

Виктория Миско

ТУФЛИ С
ДЫРОЧКАМИ
пишем вместе в апреле

16+

Виктория Александровна Миско
Туфли с дырочками
Серия «Один рассказ в месяц», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65045222

SelfPub; 2022

Аннотация

Этот рассказ мы написали вместе с моими подписчиками в Инстаграме*. В течение месяца я устраивала опросы у себя в сторис, и они выбирали, как будет развиваться сюжет.

И так в апреле появилась эта история о людях, которые имеют право быть счастливыми, даже если не смогли преодолеть испытание.

*В 2022 году Инстаграм признали экстремистской организацией и запретили деятельность на территории РФ.

Виктория Миско

Туфли с дырочками

Сильному человеку и его большой семье

В тридцать пять Любу впервые проводили до школы. Она так мечтала об этом в свои шестнадцать, что теперь неловко дотронулась до щеки, ещё влажной от поцелуя, и подняла глаза на молодого мужчину.

Совсем недавно наступил апрель, и даже несмотря на минусовую температуру ночью, деревья уже звенели весной, и пригревало солнце. Или Любе только так казалось.

Когда ты влюблён, весна ощущается по-другому.

В её розовых волосах гулял ветер, а всё тело наполнилось ощущением настоящего счастья, какое только может себе позволить такая, как она. Гриша едва коснулся её мизинца, а затем хлопнул по обувной коробке, которую держал подмышкой.

– Спасибо. Только ты знаешь, как я люблю эти туфли с дырочками.

Люба улыбнулась.

– Броги, Гриш, так они называются.

Он засмеялся, положил руку на живот и согнулся в царственном поклоне.

– Вы правы, о мой обувной магистр! Иди, – он открыл

калитку и нежно прикоснулся к любиной щеке, – спасибо за это утро.

Люба кивнула и шагнула на школьную территорию, а Гриша пошёл по тротуару к припаркованной неподалёку машине.

Так было задумано. Они не выставляли напоказ свои отношения, которые длились всего пару недель. Счастье любит тишину, а Люба была очень-очень счастлива. Кажется, впервые за несколько лет.

– Фу ты, стыд-то какой.

В учительской было светло, и Александра Савельевна щурилась от солнца, пристально глядя в школьный двор. В соседних классах шли уроки, но у неё выдалось её законное «окно», и она очень не хотела тратить это время зря.

Кто виноват, что именно под окнами учительской мама Толика из 5 «А» прощалась со своим новым возлюбленным? Никто не виноват. Так же нет и вины Александры Савельевны в том, что она приняла этот факт так близко к сердцу.

– Тьфу ты, – женщина кинула возмущённый взгляд на сансевиерию, которая примостилась в горшке возле её стола, потому что это растение уж точно разделяло взгляды Александры Савельевны на мораль и нормы поведения.

– Ну что там, Саш, – наконец вяло поинтересовалась Валя, перебросив теннисный мячик из одной руки в другую.

Александра Савельевна приосанилась, перебрала в голове свои воспоминания об увиденном. Она изо всех сил старалась, чтобы её голос звучал незаинтересованно, но коллега слишком хорошо разбиралась в этих интонациях. Учительская – это как государство в государстве: свои законы, свои правила.

– Там это... мама Толика из 5 «А» ... лобызается с..., – она шмыгнула носом, чтобы придать себе ещё более безучастный вид.

– И что?

Александра Савельевна побледнела. Её брови приподнялись, на лбу образовались морщины совершенного негодования.

– В смысле И ЧТО?

– Ну а что?

Женщина подняла глаза к потолку и посмотрела на пожелтевший плафон лампы. Если бы нужно было составить список того, что совершенно деморализует общество, Александра Савельевна поставила бы на первое место спорт и компьютер. По её определению, эти две вещи совершенно выключают мозг человека.

Валя положила теннисный мячик на стол и устало потянулась, широко зевнув.

– Какое тебе дело, кто там с кем обнимается под окнами? – Александра Савельевна разъярённо смотрела на ряд белоснежных зубов коллеги. На месте резца красовалась щель на

память о хоккейном прошлом. – У меня вон в 9 классе пацаны друг другу то и дело штаны пытаются стянуть на физре, и это зрелище поинтереснее будет. Смешно хотя бы. А здесь, – Валя махнула рукой в сторону окна, – обнимаются и обнимаются. Все мы когда-то были молодыми, ну!

– Кому что, – фыркнула Александра Савельевна и вышла из учительской, тихо прикрыв дверь. Хотелось, конечно, хлопнуть так, чтобы зазвенели окна, но если каждый человек будет делать то, что ему хочется, что же это будет за общество?

В коридоре было тихо, и Александра Савельевна потянула носом воздух. Пахло влажной школьной доской, сдобным тестом и побелкой. Женщина остановилась возле стенда «ЕГЭ как дверь в счастливое будущее» и провела рукой по его серой рамке. Всё должно быть под контролем.

Александра Савельевна очень любила школу, очень любила свою работу. Да и как может быть иначе, когда посвятил этому всю свою жизнь?

Большую часть из своих 65 лет она проработала учителем в детском доме, а потом пришла сюда – в общеобразовательную школу типового образца. Вся её жизнь вращалась вокруг этой профессии, где строгость и милосердие, усталость и спокойствие должны идти бок о бок. Раньше у Александры Савельевна почти получалось быть идеальным педагогом, но годы брали своё.

Взглянув на часы с тонким кожаным ремешком, женщина набрала воздуха в грудь и быстро зашагала к системе включения школьного звонка. Открыла дверцу, нажала на кнопку. На каждом этаже школы раздался резкий звук, и тут же послышались топот, крики и музыка.

Последнее Александра Савельевна терпеть не могла. Весь этот непристойный рэп и «дуц-дуц», от которого раскалывается голова. Она мелкими шагами засемила в противоположную сторону от шумного потока школьников, бормоча себе под нос что-то о «деморализованной культуре».

Когда-то преподаватель в училище, сказал, что «учитель должен всегда быть в движении, идти навстречу жизни. Учитель должен прислушиваться и реагировать на её малейшие изменения, потому что в противном случае это приведёт к тому, что он окажется оторванным от реальности, а для педагога это так же фатально, как серьёзная травма для спортсмена». «Дети говорят, когда их слушают», – сказал он, и Александра Савельевна была уверена, что справится.

Но вот пришло поколение детей, которых она не понимала и, кажется, и не хотела понять. Это её пугало. Это означало, что её карьера подошла к концу, но школа давно стала её домом. Да и как может быть иначе, если ты посвятил этому всю свою жизнь?

Толя Фирсов спустился с центральной лестницы и остановился у окна. В руках у него был телефон, от которого он не

оторвал взгляд, даже когда старшекласник пихнул его своим объёмным рюкзаком.

Если бы Александра Савельевна была десятилетним мальчиком, то она бы поняла, что невозможно вести себя по-другому, когда на уроке друг рассказал тебе о новой мобильной игре. В ней было всё, что Толя любил: чёткая картинка, плавные движения камеры и огромный выбор персонажей. В ней можно было стать, кем захочешь. И поэтому сейчас, сразу после уроков, он искал эту игру в установщике приложений.

Если бы Александра Савельевна была десятилетним мальчиком, то она бы всё поняла, но она была женщиной, которая боялась подумать, как давно ей было десять. К сожалению.

– И что же? – она нависла над мальчиком, увлечённым поисками игры.

Толя затаил дыхание, замер и поднял на завуча глаза. В их голубизне можно было утонуть, но Александра Савельевна давно на такое не велась.

– Без телефона и жизнь не мила?

Толя посмотрел в пол, и вихры русых волос упали ему на глаза. Ладони вспотели, и он крепче обхватил свой новенький телефон, чтобы не уронить его. Папа очень разозлится, если узнает.

– В ЧЁМ ТВОЯ ПРОБЛЕМА?! – вдруг выкрикнула Александра Савельевна, и проходившие мимо ученики сочув-

ственно взглянули на бледного Толю. – Что ты всё время возишься с этим телефоном?! Неужели и заняться больше нечем?!

В школе все знали о характере завуча самое главное и жизненно необходимое: она могла разозлиться с полуоборота, и если уж такое произошло, то либо молчи, либо пеняй на себя. Толя Фирсов тоже очень хорошо это знал. Хоть Александра Савельевна не вела уроки в его классе, встречая её в коридоре, он ненароком сжимался, замолкал и сбавлял темп.

Но папа всегда говорил Толе, что самое главное в жизни – это умение найти общий язык с любым человеком. А уж он знал, что говорит. В навыке коммуникации ему не было равных. И Толя не стал терять время, потому что в 10 лет мы очень хотим быть похожими на родителей.

– Я всего лишь хотел скачать игру, – еле слышно промычал он в пол и добавил чуть громче, – ведь уроки закончились.

– Уроки закончились! – фыркнула Александра Савельевна и выпрямилась.

Доктор настаивал, чтобы она поменьше сидела на одном месте, а побольше двигались. Да что он знает о работе учителя?!

В глазах на секунду потемнело, и Александра Савельевна сделала глубокий вдох, стараясь унять взволнованное сердце.

Папа учил Толю быть внимательным, и поэтому он протя-

нул свою маленькую ладошку и дотронулся до запястья женщины, которое было туго обтянуто рукавом серой блузки. Никто из учителей уже не носил таких, а Александра Савельевна не понимала тех, кто наряжается на работу, как на праздник.

– ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?! – воскликнула женщина и отпрянула от мальчика на несколько взрослых шагов. Одной рукой она потрогала пуговицы на рукаве, другой одёрнула юбку. Всё её нутро будто бы затянули в тугий узел, и Александра Савельевна захлебнулась гневом. – ЧТО ТЫ МЕНЯ ТРОГАЕШЬ, СОРВАНЕЦ!

Через секунду её цепкие пальцы схватили ухо десятилетнего мальчика, который взвизгнул и всё-таки выронил телефон. Раздался звук удара стекла о плитку, Толя заплакал, Александра Савельевна с силой потянула за ухо и отпустила.

Гнев внутри улёгся. Стало немного легче. Мальчик упал на колени и поднял телефон. Он протёр экран рукавом, но это не помогло. Непоправимая трещина прошла через весь дисплей, на котором до сих пор был открыт установщик приложений.

Толя так и не нашёл нужную ему игру. А ведь Савва говорил, что в ней можно быть кем захочешь.

– Никаких телефонов в школе, – заключила Александра Савельевна совершенно равнодушным тоном и зашагала к учительской.

Нынешнее поколение не вызывало в ней никаких чувств,

и это её больше не пугало. Она будет стоять на своём.

Люба подошла к центральному входу и остановилась возле клумбы с рыхлой землёй. Скоро должен был закончиться последний урок в средней школе, и к этому времени во дворе всегда собиралось много родителей.

Раньше Любе очень нравилось быть частью этой атмосферы. Наверное, ничто не ассоциировалось у неё с любовью так же сильно, как момент, когда твой взрослый малыш сбегает со ступенек школы прямо к тебе в объятия. Когда несколько секунд ты безрассудно счастлив от того, что этот человек в школьной форме, которая ему всё равно немного большевата, твой. Твой большой человек. И ничей больше.

В окнах школы было видно, как по коридорам семят старшеклассники, как они раскладывают на подоконниках тетради и списывают друг у друга домашние задания. Люба улыбнулась. Она очень хорошо помнила себя в их возрасте, особенно сейчас, особенно сегодня.

У неё на душе было легко и спокойно. Так, что ей самой не верилось.

И ей было невыносимо за это стыдно.

Кто-то осторожно тронул её за плечо.

– Лююююб, – протянула высокая женщина в очках, – наконец-то! Давно тебя не было видно!

Она наморщила лоб, явно пытаясь припомнить, когда они виделись в последний раз. Как будто бы это было важно.

– Где ты пропадала-то? – оставив эти безуспешные попытки, женщина широко улыбнулась. – Погода-то какая! Просто замечательная! Поздняя весна в этом году!

Пока женщина продолжала тараторить что-то про сбор денег на новые шторы в учительскую, Люба старалась вспомнить, как её зовут. Кажется, Тамара.

Они точно общались в родительском чате, уведомления из которого Люба отключила, когда Толя перешёл в пятый класс. Она помнила этот веснушчатый нос и каштановые волосы, собранные в изящную гульку на самой макушке, но точное имя никак не приходило ей в голову.

– 500 рублей с семьи, – наконец, заключила кажется Тамара.

И Люба вздрогнула. Последнее слово вдруг разорвало ту гармонию, которую она вопреки всему себе позволила. Стало стыдно, больно, пусто. Одно слово, которое Люба никак не могла себе простить. Совершенно внезапно она почувствовала на себе заинтересованные взгляды остальных родителей.

– Всё хорошо, Любаш? – женские руки легли на её плечи, а глаза, обрамлённые терракотовой оправой очков, внимательно смотрели. Что-то требовали, пытались отыскать ответ на один очень для всех важный вопрос.

И Люба вдруг так яростно захотела, чтобы женщина в оч-

ках, наконец, его задала, чтобы все вокруг, наконец, поговорили с ней начистоту, но Тамара лишь пожала плечами и махнула рукой в сторону квадратика неба над их головой.

– Это всё новолуние, Люб. Новолуние в Овне. А ещё, – хихикнула она, – у Венеры сейчас какие-то дурацкие отношения с Плутоном, и я сегодня напала на Олега из-за рубашки, которая, как мне показалось, пахла женскими духами. Духами! – Тамара помахала рукой перед своим веснушчатым носом. – Вот я и устроила ему сцену ревности. Всё, как полагается! Для профилактики, чтобы ни-ни...

Она вдруг виновато посмотрела на Любу и закусила верхнюю губу.

– Ничего?.. Ничего, что я об этом?

Люба улыбнулась одними уголками губ и покачала головой.

– Ничего, Тамар, всё в порядке.

– Ага, – серьёзно кивнула женщина, достала из сумки блокнот на пружине и что-то в нём отметила. – Чтобы потом не говорили, что я вас не проинформировала, – сухо отчеканила она и оценивающе взглянула на Любу, – а то ваша Диана вечно тыкает в меня такими формулировками. Чтоб ты знала.

Люба знала.

– И я Наташа, – бросила она напоследок и отошла к компании других родителей.

Люба закрыла глаза и постаралась не придавать этому зна-

чения. Их дети давно учатся в разных классах. Она и не должна помнить всех родителей по именам. Или должна?

Толя вышел на крыльцо и зажмурился от яркого света. Рукав рубашки был влажным от слёз, и он засунул дрожащие руки в карманы брюк, чтобы мама ничего не заметила.

Она стояла возле клумбы одной ногой на поребрике, другой на асфальте. Это означало, что мама ждёт его так долго, что уже устала стоять на одном месте. Её розовые волосы путал ветер, и она то и дело убирала их с лица, оглядываясь по сторонам.

Во дворе было много родителей, которые смеялась и хором окликали выходящих из школы детей, а она стояла в стороне и теребила ремешок рюкзака. Толя знал, что в последнее время мама не любит встречать его со школы, потому что ей, наверное, неприятно быть среди других родителей и много с ними разговаривать. По крайней мере, когда у Толи случаются неприятности, он уходит в свою комнату и молчит.

Толя закрыл глаза и попросил у Бога, о котором так много говорит бабушка, чтобы сегодня у мамы было хорошее настроение. Затем поругал себя за эгоизм и изменил в своём желании «сегодня» на «всегда». И только потом достал руки из карманов и сбежал с лестницы.

– Привет, мам! – он обнял её ноги и улыбнулся.

Когда у Толи случаются неприятности, он уходит в свою комнату и молчит, но очень хочет, чтобы кто-нибудь зашёл и обнял его.

– Привет, бельчонок, – Люба присела на корточки и взъерошила русые волосы сына. – Как ты?

– Я в порядке, мам, – утвердительно кивнул Толя, поправляя причёску. – А у тебя всё хорошо?

– Всё нормально, малыш.

Она дёрнула плечом, убрала с лица прядь волос и поднялась. Ей понадобилось не так много времени, чтобы избавиться от того подросткового счастья, которое её переполняло. И вот она уже снисходительно смотрит на сына сверху вниз. Так смотрят родители, когда чувствуют вину перед ребёнком за то, что он ещё ребёнок.

– Всё в порядке?

– Ага, – запрокинув голову, бодро улыбнулся мальчик. – Я просто был дежурным, вот и задержался чуть-чуть!

Люба взяла его за руку и коснулась влажного рукава рубашки.

– Что-то мыл?

– Я дежурил, мам! Конечно, мыл! Чего я только ни делал!

Люба улыбнулась.

В начале, когда ребёнок ещё не умеет контролировать эмоции, мы боимся истерики – потока искренних неопознанных чувств, и гадаем, когда же это пройдёт. И однажды дети

овладевают собой настолько, что начинают говорить только то, что не способно нас расстроить. Наверное, про это говорят «Ложь во благо», которая всё равно ложь.

Люба внимательно смотрела на Толю, и тогда он не выдержал, взял её за руку и потянул к выходу.

– Не будем терять время, – нарочито серьёзно произнёс он, топая по школьному двору в своих разноцветных кроссовках.

И Люба пошла за сыном.

Она точно знала, что скоро наступит тот возраст, когда Толя перестанет позволять ей это делать, и поэтому каждый раз обхватывала маленькую ладошку всё сильнее.

– Скажи папе, что для этих ботинок ещё холодно, Толь.

Они шли по тротуару, и мимо них изредка проезжали машины. На деревьях уже появились первые почки. В этом году, действительно, весна наступала позднее обычного, что, видимо, было предисловием к очень жаркому лету.

Люба вспомнила, как такой же весной гуляла по этим улицам с маленьким Толей. Как она толкала перед собой модную коляску, которую выпросила у мужа, смотрела по сторонам и думала только о нём – о маленьком лысом человеке в весеннем комбинезоне. Интересно, как с рождением ребёнка мир сужается, а любовь расширяется так сильно, что не умещается в сердце. А сердце у Любы было огромным.

Тогда она клялась себе, что никого и никогда не будет лю-

бить сильнее. И тут же отвратительный стыд сделал её мысли неподъёмными.

Буквально час назад они с Гришей планировали их совместный отдых. В нём мерещилось лазурное море и белые шторы в отеле, много радости и свободы. Час назад Любе казалось, что она достойна всего этого, что чувства снова могут быть такими же сильными, как и 10 лет назад, что не всё потеряно.

Час назад она любила человека, которого знала всего несколько недель. И любила сильно. Любила так, будто бы больше ничего в этом мире не существовало. Любила так, как ей раньше казалось, она уже никогда не сможет никого полюбить.

– Чем ты будешь заниматься на каникулах?

Люба ещё крепче обхватила ладонь сына, и Толя поднял на неё свои кристально чистые глаза.

– Отдыхать! Знаешь, сколько сил забирает школа?

Люба запустила руку в его густые волосы и рассмеялась. Натянуто, не совсем честно, и Толя это расслышал, но не подал виду.

На самом деле это мы учим детей лжи.

Диана осторожно закрыла дверь спальни и, наконец, ответила на звонок. Мужчина на другом конце провода не любил ждать и поэтому теперь заходилась обидой на череду мучи-

тельно долгих гудков.

– Ты опять там, да?

Диана сделала глубокий вдох, как учил её психотерапевт, и только потом ответила, глядя на кубики белой плитки у себя под ногами.

– Да, пап, я здесь.

– С ним?

Диана кинула взгляд на дверь спальни и почувствовала, как от волнения вспотели ладони. Но обманывать в их семье было неприятно, даже если будет больно.

– Да, пап, я у Коли.

В телефонной трубке послышались невнятные голоса. Так отец прикрыл динамик рукой, чтобы выслушать, что ему говорит жена. Диана знала это без слов.

– Мама спрашивает... – отец осёкся и несколько раз кашлянул, – кхм, и как он?

Последние слова мужчина произнёс почти беззвучно, еле шевеля губами, но всё-таки произнёс. Раньше ему и это не удавалось.

Диана потёрла плитку босой ногой.

– Плохо.

– Ну...

– Вторая процедура из четырёх.

– Угу...

Повисла пауза. Тихое время для того, чтобы каждый подумал, через что он готов переступить ради другого.

– Мне... нам... очень жаль, Диан, – заключил мужской голос. – Если ты хочешь, я могу позвонить знакомому...

– Не нужно, – с грустной улыбкой покачала головой девушка. – Мы справляемся. Я люблю вас.

Слова всегда очень много значили для Дианы. Слова любви, слова прощения, сказанные вовремя, делали её семью прибежищем, где даже ошибаться было не так страшно.

Отец считал, что отношения Дианы – это ошибка. Диана считала, что это он ошибается. Но они продолжали друг друга любить и говорить обо всём.

– Малышка, – в трубке послышался женский голос, – малышка моя, это очень трудно, девочка. Ты звони, хорошо?

Диана закрыла глаза и по её щекам потекли слёзы. Тихие, едва заметные, ставшие за 2 года привычкой, образом жизни.

– Девочка, – мама всегда разрешала ей плакать.

– Я пойду, мам. Я хочу быть рядом с ним, хорошо?

– Конечно-конечно... Ты только звони... и папе звони, хорошо?

– Хорошо, люблю тебя.

– И я тебя люблю, люблю, моя девочка.

Диана выключила телефон, и её руки безвольно опустились. Она сползла по стене и села на холодный пол.

В квартире было тихо, и только часы в гостиной мерно тикали. В электронных рамках, расставленных по многочисленным полкам, сменяли друг друга фотографии Дианы с Колей. За 3 года они сделали, кажется, миллион фотогра-

фий. Всё торопились, а Диана ужасно боялась что-то упустить.

С самого детства она вела дневники, записывала всё происходящее. Все события и мысли казались ей важными, и она верила, что однажды сядет и перечитает их, захочет вспомнить.

Перестала писать она полгода назад в день, который ей не хотелось запоминать. И хоть та зима не осталась в её блокнотах, она, как назло, вцепилась в память, словно клещами. До того дня Диана любила и верила в чудеса, после – только любила. Ещё сильнее.

Девушка посмотрела на фотографию в рамке: маленький мальчик в оранжевой кепке трогает за нос дельфина. Как бы Диана не была против зоопарков и передвижных дельфинариев, эта фотография ей очень нравилась. И оранжевая кепка, и сосульки мокрых русых волос, выбивающихся из-под неё, и то, как крепко мальчик держит за руку счастливого мужчину в смешной футболке со «Смешариками». В тот день Коля повёл сына в дельфинарий, а Диана осталась дома, потому что не любит все эти зоопарки и передвижные дельфинарии. И теперь она бы отдала всё на свете, чтобы вернуть тот день.

В огромной квартире тишина ощущается острее обычного. Диана встала, поправила обувницу возле входной двери и заметила маленькие тёмно-синие ботинки, одиноко стоящие на придверном коврикe.

Девушка удручённо потёрла глаза . Коля всё-таки разрешил сыну надеть кроссовки. Только вот весна в этом году поздняя, и для них ещё слишком холодно.

Мужчина подошёл к шкафу-купе и посмотрел на себя в зеркало. На днях ему должно будет исполниться 40 лет, и он ненароком каждый день подводил итоги. Правда начал он это делать 3 года назад, в том раздражающе белом кабинете врача, и теперь это просто стало привычкой.

Он провёл рукой по коже головы, потерев ниточки мышц – жалкое напоминание о былом теле мечты – и открыл шкаф в поисках рубашки. Николай недолюбливал этот предмет мужского гардероба, но так было проще всего спрятать подключичный катетер, который вызывал в окружающих жалость, а в Коле – бешенство. Из подходящего на вешалках осталась только цветная рубашка свободного кроя, потому что остальные вещи помощница по дому забрала в химчистку.

Николай глубоко вздохнул и натянул на себя рубашку, которая так не нравилась его жене. Ну что ж, сегодня ей придётся потерпеть. Мужчина провёл рукой по ткани и ещё раз посмотрел в зеркало: последний раз он носил эту рубашку лет 10 назад, и теперь она была ему на несколько размеров больше. Николай нащупал под грудью рёбра, подsunул под них ладонь, вдохнул. Как здорово, что когда-то он не согла-

сился избавиться от этой вещи, теперь она очень умело скрывала его худобу и, кажется, даже делала бледное лицо чуть румянее.

Хорошее это было время. 10 лет назад. Самое лучшее. В дверь постучали, и он взял свои слова обратно.

Диана остановилась на пороге, продолжая держаться за прохладную дверную ручку. На ней была бежевая водолазка с высоким воротом и чёрные джинсы, в которые, подумал Коля, могла поместиться ещё пара человек.

Он смотрел на неё, она – на него.

– Не лучший выбор, – наконец, произнесла девушка, кивком головы указав на рубашку, и голос её дрогнул.

Она никогда не скрывала слёзы. «Не умеет», – с осуждением говорили медсёстры, но Коля знал, что просто не хочет. Никогда прежде он не встречал такого честного человека.

– Согласен, – он оценивающе посмотрел на себя в зеркало и пожал угловатыми плечами.

И тогда Диана, наконец, отпустила дверную ручку, пересекла комнату, раздвинула шторы, резко распахнула окно, подошла к мужчине и остановилась так близко, что у Коли замерло дыхание.

– Почему бы тебе не надеть футболку. Обычную, обычную футболку, которых у тебя полный шкаф, – она смотрела на него одновременно строго и нежно, пока её тонкие пальцы управлялись с мелкими пуговицами.

Её ладонь остановилась возле ворота, и Коля виновато покосился на тонкую пластиковую трубочку катетера. Диана глубоко вздохнула и закатила глаза.

– Сколько можно прятаться? Это пока часть тебя. Это то, что сейчас тебе помогает, Коля! Это означает, что ты бо-решься! Об этом важно говорить!

– Это меня убивает!

Он резко сбросил руки девушки со своей груди и посмотрел на неё гневным неразборчивым взглядом. В висках пульсировало отчаяние, чувство вины и ненависть.

– БОЛЕЗНЬ! – бросил он Диане, больше не находя в себе сил видеть эти заплаканные глаза. – Вот, что означает эта чёртова трубка! Вот. Что. Она. Означает.

Николай обхватил катетер и с силой дёрнул, и тут же тело пронзила невыносимая боль. Диана стояла напротив него, не двигаясь, еле дыша, и только сердце билось где-то в горле глухими ударами ответного страдания. Врач предупреждал её, что такое может случиться. Она была готова.

Девушка быстро подошла к прикроватной тумбочке, открыла ящик и достала из аптечки гемостатическую губку, пользоваться которой её научила коллега – медсестра в реанимации.

Коля сидел на кровати, прижимая катетер дрожащей рукой. Его грудь вздымалась под цветной рубашкой, которая так не нравилась его жене, и он боялся думать о том, что наделал. На брюки капала кровь, но чтобы что-то исправить

нужны были силы, которых у него не было.

– Я всё сделаю, – девушка убрала его руку и приложила губку к месту, где раньше был катетер.

Кожу на месте швов саднило, и Коля отвернулся к стене. Диана закрепила повязку и присела рядом.

– Можно ещё приложить холод.

Не поворачиваясь, Николай покачал головой. В горле застряли слёзы и слова благодарности. В отличие от Дианы он хотел скрыть и то, и другое, чтобы передать хотя бы часть той боли, что так несправедливо досталась ему одному. Чтобы жить дальше.

Девушка молча кивнула. Хотела дотронуться до него, но не стала. Если для жизни ему нужно делать больно ей, то она готова. Готова на всё, лишь бы он жил.

В квартире раздался звук домофона, и мужчина вздрогнул, резко встал и вышел в коридор, чтобы открыть дверь. И Диана осталась одна в большой светлой спальне в квартире человека, на которого она так безрассудно, по мнению отца, «тратит свои лучшие годы». Но это родители научили её так честно любить.

– Папа!

Этот голос стал волновать его, как только появился на свет.

Когда акушерка протянула Николаю в несуразном одно-

разовом халате невесомый кулёк с сыном, мужчина понял, что мир больше не станет прежним. Потому что что это был за мир без этих небесно-голубых глаз и маленького носа в белую крапинку? Так, лишь жалкое подобие.

Кто же знал, что Коля Фирсов станет таким хорошим отцом? Никто не строил никаких надежд на его будущее, не строил их и сам Коля, потому что когда в раннем детстве теряешь родителей, размышления о будущем, как и о прошлом, становятся пустой тратой времени. Тебе важно лишь то, что важно для твоей жизнедеятельности, – еда, сон и ничего лишнего. Просто жить. Не ради чего.

Кто знал, что новорождённый мальчик станет смыслом долины жизни? Кто догадывался, что создавать для этого малыша хотя бы видимость семьи будет для Коли первостепенной задачей?

А это случилось.

Коля опустился на пол и принял сына в свои широкие объятия.

– Здорово, дружок!

Толя уткнулся в шею отца и вдохнул привычный запах. Они не виделись всего несколько часов, а мальчик так соскучился по отцу, что не хотел его отпускать. Дети чувствуют всё гораздо лучше нас.

– Привет.

Поверх русой макушки сына Коля посмотрел на молодую

женщину, которая стояла на пороге квартиры.

– Новый цвет, – кивнул он на её волосы.

– Мастер опять неправильно меня понял, – Люба отмахнулась и закрыла за собой дверь. – Розовый должен был быть другим.

На самом деле, он должен был быть именно таким, и она очень радовалась, что, наконец-то, нашла тот самый оттенок. Но Коле это знать было необязательно. Не для этого она пришла сюда, чтобы говорить о своих радостях.

– На кухню? – как бы пригласил мужчина, продолжая обнимать сына.

– Ага.

Когда в гостиной слышались звуки диснеевского мультлика, Люба покрутила чашку на блюде. Эта кухня когда-то была её любимым местом в доме: огромные окна в пол, вид на сосны, посаженные по двору. Их тёмная зелень и янтарные стволы всегда действовали на Любу магически: она успокаивалась и снова верила, что дом – это здесь.

Бежевые столешницы были заставлены техникой всех видов: от соковыжималки и вафельницы до планетарного миксера и электрогриля на 4 персоны. Всё так же стояло на своих местах, и это, кажется, раздражало больше всего. И очень отвлекало.

– Молочный улун, да? – Люба оценивающе посмотрела в

чашку, а затем перевела взгляд на девушку у раковины.

Диана медленно выключила воду, перевела дыхание и с улыбкой взглянула на Любу через плечо.

– Это пуэр.

– Твой любимый, – добавил Коля. – В этот раз жёлтый.

Саня привёз на прошлой неделе.

– Снова ездил в Китай?

– Да, познакомился там с какой-то китаянкой и теперь мо-
гается туда каждый месяц.

– На него похоже.

На мужском лице возникло что-то напоминающее про-
шлогоднюю улыбку, а в сердце Любы – ностальгия по этим
бессмысленным разговорам за обеденным столом. Когда в
последний раз они ничего не делили?

Диана вытерла руки и вышла из комнаты. Если эти двое
не хотели замечать, как вопреки всему им важно побыть на-
едине, то она обманывать себя не хотела.

– Что-то случилось?

Люба посмотрела на дверь, поёрзала на стуле, кинула
взгляд на сосны за окном, которые вдруг перестали её успо-
каивать.

Самые неловкие разговоры всегда случаются между
людьми, которым есть что друг другу сказать.

– Говори уже.

– Вот, – Николай расстегнул ворот рубашки и показал Лю-

бе повязку на ключице.

– Идиот, – она растерянно покачала головой. – И зачем?

Коля посмотрел на свою чашку, застегнул рубашку и пожал плечами.

Знакомый врач говорил Любе, что такое может случиться, но она не была готова так быстро перейти к этой теме. Она ведь только начала позволять себе быть счастливой.

– Тебе достанутся некоторые мои сбережения и... воспоминания, получается, – на выдохе произнёс Коля и вконец всё разрушил.

Люба откинулась на спинку стула и запустила руки в свои волосы идеального розового оттенка. Ей до сих пор хотелось только кричать, что всё это несправедливо, но она так и не решила, за кого ей больше обидно – за себя или за него. Правда всегда давалась Любе с трудом.

Десять лет назад самообман познакомил их друг с другом. Десять лет назад они даже приняли его за любовь. И вроде бы десяти лет достаточно, чтобы признаться в этом, а они всё молчали и искали причину.

Люба просто хотела быть счастливой. Разве она в этом виновата?

– «Достанутся»? – переспросила она, делая вид, что не понимает, о чём речь.

– Да, Люб, – ответил Коля, снова зачем-то подыгрывая ей, будто бы говорить об этом было просто. – Скоро третья хи-

миотерапия, и хоть опухоль не растёт, я готовлюсь к худшему.

Коля просто хотел быть честным. Разве он в этом виноват?

Три года назад на плановом осмотре Николай узнал об агрессивной опухоли желудка. Он понял это не сразу, но такой же диагноз забрал жизнь у его знакомого – врача, благодаря которому теперь Коля знал, что, когда и как делать. Но всё равно боялся. Но всё равно надеялся.

2 года назад Николай, наконец, посмотрел правде в глаза – с вызовом, с обвинением. Первым делом запретил себе говорить, что всё будет хорошо, запретил себе в это верить, потому что знал, что будет очень-очень-очень трудно.

Как подготовиться к химиотерапии. Снимки, мониторинги. Как сказать близким о диагнозе. Коля читал посты своего знакомого и делал всё так, как тот велел.

Только вот Люба просто хотела верить, что всё будет хорошо. Разве она в этом виновата?

Когда они познакомились на курсах повышения квалификации Николай был именно таким, как хотела Люба: преуспевающий молодой человек, профессиональным достижениям которого хотелось завидовать и восхищаться. Рядом с ним все замечали и Любу, потому что знали, что такой человек не станет общаться с кем попало. Кажется, ей понрави-

лось именно это. Тогда чувство комфорта было для девушки важнее самой любви, или комфорт и был её определением.

Люба просто запуталась в понятиях, а Коля вдруг стал доверять ей настолько, что влюбился. С самого детства он искал для себя значимого взрослого, и Люба в свои 25 лет идеально подходила на эту роль.

Он просто хотел быть счастливым. Разве он о многом просил?

По телевизору совершенно очаровательный скелет пел мальчику какую-то песню под гитару. Диана не слушала. Она сидела в кресле, поджав колени в груди, и смотрела в одну точку.

– То есть ты новая жена моего папы?

Толя всегда умел удивлять своими прямыми вопросами. Вот и теперь он сидел на диване напротив Дианы и смотрел без малейшего осуждения, с искренним любопытством.

– Мы не женаты, Толь, – ответила девушка и улыбнулась.

– Понятно, – сказал мальчик и снова принялся за кукурузные палочки.

К его румяным щекам прилипли жёлтые крошки. Он снял школьную форму и теперь сидел в майке и домашних шортах, по-турецки сложив ноги. Диана смотрела на него и не понимала, как возможно было жить в мире, не зная этого мальчика.

– Но вы любите друг друга, – больше утвердительно сказал Толя, продолжая жевать.

– Да.

– Это хорошо.

– Хорошо, – задумчиво повторила она.

– В буддизме считается, что чем больше после нашей смерти на земле остаётся людей, которые нас любят, тем лучше нам будет там. В раю. Или как это называется в буддизме? Рай? Бабушка говорит, что рай.

Он сказал это так просто, что Диана растерялась. Николай очень просил её не говорить Толе правду, и она усердно стискивала зубы и продолжала улыбаться, глядя в детские глаза. Она видела, что он всё понимает, потому что обманывать себя и внушать обратное так, как это делал Коля, ей не хотелось.

– Я не знаю, – пожала плечами Диана.

– Как ты думаешь, мама любит папу?

Толя в кукурузных крошках очень серьёзно посмотрел на девушку, и она тепло улыбнулась в ответ.

– Думаю, да.

– Тогда... – он посчитал в уме и загнул несколько пальцев на руке, – это уже пятеро: бабушка, дедушка, я, ты, мама... Не знаю, достаточно ли это. Может быть стоит поговорить с друзьями, рассказать им побольше про папу. Он ведь точно им понравится!

– И что же ты им расскажешь?

– Я... – ненадолго задумался Толя. – Расскажу, что папа любит Лего Майнкрафт и делает бумажные самолётики, которые летят дальше обычных, что он боится собак, но всё равно всегда прячет меня за спину, если видит впереди какого-нибудь бульдога без намордника. Что он очень медленно водит машину и называет себя при этом «Гонщиком Формулы-1». Он смешной...

Толя вдруг замолчал и уткнулся в тарелку. Его веки медленно опускались и поднимались, и на ресницах оставались крупные капли слёз.

– Они же до сих пор думают, что я ничего не понимаю?

Диана села на край кресла и потянулась к мальчику, положила ладонь ему на колено. Сколько раз она вела подобные разговоры с родными пациентов на своём отделении? Сколько раз она видела слёзы, гнев и надежду?

Но никто не предупредил, что всё это никак не подготовит её к разговору с маленьким мальчиком, который так долго позволял родителям обманывать себя.

– Они любят тебя и выбирают безопасность, а не правду, – Диана постаралась сказать это как можно убедительнее, но обманывать она никогда не умела. – Они боятся. За тебя. За себя.

– Я знаю, – кротко ответил Толя. – Но ты ведь тоже боишься.

Диана кивнула.

– Им есть что терять.

«Сбережения и воспоминания», – так сказал Коля своей жене. Сбережения. Воспоминания. И Толя.

Взрослые просто сначала надевают кислородную маску на себя, смиряются с мыслями, находят нужные слова, и только потом помогают ребёнку. Только кто знает, сколько времени необходимо, чтобы помочь самому себе. Порой это очень-очень-очень трудно.

– Это хорошо, что вы с папой встретились, – сказал Толя, глядя на свои пальцы. – Ведь чем больше людей его любит, тем лучше ему будет там, да?

– Думаешь это любовь? – сказал дианин отец, когда узнал об её отношениях с Николаем. – ДУМАЕШЬ ЭТО ЛЮБОВЬ?!

Он был бывшим военным (если вообще для общества существуют «бывшие военные» и «бывшие жёны»), поэтому когда он повышал голос это звучало достаточно угрожающе. Но Диана привыкла, поэтому просто отодвинула тарелку отца подальше от края стола. Мама расстроится, если он разобьёт ещё одного представителя из её коллекции керамики.

– ДИАНА!

Девушка посмотрела на отца. В его иссиня чёрных волосах совсем недавно стала появляться седина, а бугристые плечи всё так же выступали из-под футболки, широкая грудь ходила ходуном от гневного дыхания.

– На что ты злишься?

Пётр в недоумении взглянул на дочь и свёл густые брови над переносицей.

– Злюсь, – уже спокойнее кивнул он. – Злюсь, потому что ты молодая девчонка, а хочешь пустить свою жизнь коту под хвост!

– Ты так считаешь?

– Да!

– А я нет.

Пётр выставил указательный палец и несколько раз громко ударил им по столу.

– Это всё мать, – уличающе протянул он. – Это она научила тебя этому спокойствию, которое так действует на нервы! С самого детства ты плачешь по любому поводу, но иногда вдруг становишься такой спокойной. Она такая же! Твоя мать!

– Я знаю, – понимающе кивнула Диана. – А вот плакать меня научил ты.

– Я?! – взревел мужчина, и его голос ударился о стены, зазвенел в подвешенных над плитой сотейниках и кастрюлях и, наконец, затих. – Я...

Мальчики не плачут, особенно, если эти мальчики всю жизнь мечтали стать военными. Но ещё мальчики однажды встречают тех, кто разрешает им быть собой. Для Петра таким человеком стала Диана – девочка, появление которой спустя долгие годы безуспешных попыток стало для них с

женой откровением. В день, когда она родилась, он узнал, что слёзы – это не страшно, поэтому просто сидел на полу в квартире и плакал в телефонную трубку. «Она уже с нами, всё хорошо», – тихо успокаивала его жена.

Мама рассказывала эту историю тысячи раз. И всегда тепло добавляла «Вот он-то и научил тебя плакать».

Мужчина строго посмотрел на дочь, провёл рукой по жёсткой щетине. «Гордись, что мы научили её не бояться говорить нам правду», – повторяла жена как мантру. И Петя гордился. Только почему его не спрашивают, нужна ли порой ему эта правда?

– Он был пациентом на твоём отделении? – буркнул мужчина.

– Был, да.

– И ты знала, что...

– Я знала, что он болен, пап, конечно, знала.

Пётр с силой ударил по столу и потряс головой.

– И ты всё равно считаешь, что это любовь?!

– Да.

– Да как такое возможно, Диана, послушай себя!

– Я послушала, послушала себя, пап. Всё хорошо.

Он не был в этом уверен. Он боялся, как только умеют бояться повзрослевшие мальчики за своих дочерей.

Нас не учат любви, счастьем, горю. Кто-то говорит, что

жизнь – это череда достижений, кто-то считает её путём от одного счастливого мгновения до другого. Нам приходится выбирать, кого слушать, пока мы, наконец, не услышим сами себя.

Диана очень хорошо знала, что любовь и спасение – это разные понятия, но в её жизни случился Николай. Совершенно рядовой пациент для их отделения, с совершенно привычными для Любы проблемами однажды поймал её взгляд и улыбнулся. И она согласилась его спасти.

Уверена ли она, что это любовь? Да. Почему она его любит?

Нас не учат любви, и это позволяет не отвечать на такие вопросы.

Его счастье вдруг стало для Дианы жизненно необходимым. Это она знала точно.

– Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ему помочь, – сказала Диана отцу.

– Он же был женат?

– Да, и у него есть сын.

– Так почему ты, а не они?! – продолжал протестовать Пётр.

– А почему они?

– Они его СЕМЬЯ, Диана! Да что ж такое!

– И я, – она положила руки на стол и уверенно посмотрела на отца. – И я его семья.

– Мне жаль, – наконец, нашла в себе силы Люба. – Но если опухоль не растёт, разве это не значит, что...

Мужчина остервенело замотал головой, и Люба замолчала.

– Это совершенно ничего не значит, Люба. В том-то и дело!

«Ты до сих пор ничего не понимаешь!», – хотел добавить Коля, но, кажется, он больше не имел права её в этом обвинять.

– Извини, – осторожно промолвила девушка, уставившись в давно пустую чашку.

– Да ладно. Я просто хотел, чтобы ты знала, что я не забуду про тебя, когда умру.

Это стало последней каплей. Сердце Любы бешено заколотилась, и она, резко отодвинув стул, встала из-за стола и подошла к окну, пошире раздвинула шторы.

Ей нужен был воздух, много-много воздуха. Ей нужно было увидеть сосны так, как она видела их всего несколько лет назад – без страха, что это в последний раз, без всепоглощающего чувства вины. Ей хотелось, чтобы и они посмотрели на неё так, будто бы не было этого развода с тяжелобольным человеком. Ей хотелось, чтобы хоть кто-то её в этом не обвинял.

– Ну вот зачем ты мне это говоришь?

Люба теребила в руках занавеску и смотрела на своё отражение в окне.

– Для меня это важно, – просто ответил Коля. – Диана говорит, что нужно быть честными друг перед другом.

– Да, – хмыкнула девушка и несколько раз кивнула. – Конечно.

«Только вот нужна ли мне твоя честность?», – завопила Люба внутри себя, а на деле обернулась и посмотрела на сидящего за столом мужчину.

Ей казалось, что он всё делает нарочно, начиная от этой раздражающей ляпистой рубашки и заканчивая позой, худобой и лысой головой. Он всегда мечтал попробовать такую стрижку, а Люба говорила, что у него неподходящая форма черепа. Вот, полюбуйся.

Она закрыла глаза и с силой нажала на веки, чтобы почувствовать боль, чтобы хоть как-то наказать себя за то, что не справилась. Как будто бы она не наказывала себя за это все эти 2 года, каждый день.

В сумке зазвонил телефон, и Люба, не открывая глаз, засмеялась. Сначала тихо, потом всё громче и громче. Звуки вырывались откуда-то из глубины и сотрясали тело. Она опустилась на корточки и уткнулась в колени, продолжая смеяться сквозь слёзы.

Предательница. Она хотела быть счастливой, и пару недель назад согласилась пойти на свидание с парнем из соседнего офиса. Она флиртowała, смеялась над его шутками

и как-то безосновательно в него влюбилась. Совершенно без причины. Как будто бы просто так. Как будто бы в мире не существовало никого, кроме них.

Люба знала, что это звонит Гриша, чтобы узнать, как всё прошло.

Только что он понимает о жизни? Глупый, неказистый, простой, совершенно ей неподходящий. Его нет здесь. Сейчас он сидит на МКАДе в своей маленькой машине и от скуки звонит ей. От скуки! Как это унижительно. Как же это смешно!

Люба обхватила колени руками, чтобы хоть как-нибудь успокоиться, но слёзы не останавливались. И тогда Коля сел рядом и крепко обнял её, слишком крепко, чтобы ей стало легче.

Она ненавидела его за то, что он причинил ей столько боли. Ненавидела эту болезнь, что открыла ей глаза. Ненавидела себя, что не может найти в себе ни капли сострадания из-за этой удушающей обиды.

А он продолжал обнимать её, потому что знал, как хорошо Люба умеет скрывать слёзы.

В комнату постучали.

Коля резко встал, приоткрыл дверь и что-то резко сказал. Дверь закрылась.

– Что... что там?

Люба подняла голову и посмотрела на мужчину сквозь пе-

лену слёз.

– Нас вызывают в школу.

– Что-то случилось?

Люба приподнялась и разгладила свитер. Быть родителем – это значит уметь мгновенно брать себя в руки. Много раз это помогало Любе найти себя.

– Завтра объявят результаты той олимпиады. Помнишь?

– Международная олимпиада «Юный физик», – хором произнесли они и впервые за вечер взглянули друг на друга по-настоящему.

Быть родителями значит запоминать всё, что может оказаться важным для вашего ребёнка.

Люба посмотрела в небесно-голубые глаза Коли и вдруг вспомнила, что всегда знала, что он будет хорошим отцом. Она всегда благодарила его за это, но никогда не произносила вслух.

– Ты пойдёшь? – виновато поинтересовалась Люба.

– Приедут какие-то профессора из Университета. Я не могу не пойти. Для Толи это важно.

«Да, он всегда был хорошим отцом», – подумала Люба и с силой сжала кулаки, чтобы больше не плакать.

Галстук-бабочка был аккуратно повязан поверх чёрной рубашки. Толя поднял на отца глаза, крепко сжал его руку и тихо, чтобы никто в актовом зале не расслышал, сказал:

– Я боюсь, пап.

Его ладошка была холодной, и Коля очень хотел бы её согреть, но с каждым днём в нём оставалось всё меньше тепла.

– Всё будет хорошо, Толя. Я с тобой. Я здесь.

Мальчик посмотрел на лысую голову отца, в которой отражался свет ламп, и улыбнулся. Он правда был здесь. Толя подумал, насколько эгоистично то, что он очень хотел, чтобы папа успел побывать на этом награждении. Даже если Толя не победит. Но он должен победить. Ради папы.

Мальчик закрыл глаза и помолился, как учила бабушка. «Бог, – говорит она, – всё слышит».

Коля смотрел, как беззвучно шевелятся алые губы сына. Он знал, что это означает. Мужчина наклонился к самому его уху и прошептал то, что стоило сказать давным-давно. Он потратил очень много времени, чтобы сначала помочь себе.

– Я борюсь, Толь, слышишь?

Мальчик замер. Его плечи едва поднимались с вдохом и опускались с выдохом. Толя закончил молитву, сжал губы, посмотрел на сцену. Он едва заметно кивнул, и его русые волосы качнулись в такт.

Дети так хорошо знают, как сложно взрослым говорить с ними о важном.

– Это секрет, да?

Коля выпрямился, крепче сжал детскую ладонь.

– Наш с тобой.

Музыка стала тише. На сцену вышел ведущий с красной папкой в руках. На экране появились огромные буквы «Международная олимпиада «Юный физик»», и Люба почувствовала, как от волнения у неё свело живот.

Диана, которая сидела рядом, тронула её за плечо и ободряюще улыбнулась.

– Волнительно, да?

Люба знала, что это неправильно, но не сдержалась и всё-таки ответила слишком грубо.

– Для меня – да.

Это неправильно, но никто не имеет права волноваться за её сына так же, как она.

Диана понимающе кивнула и посмотрела в программку мероприятия, которая лежала у неё на коленях.

– Сейчас будет речь профессора из Ассоциации, а потом награждение, – кивнула она.

Люба сделала глубокий вдох. Её никто этому не учил, но пару раз в больнице она видела, что Диана так делает. Дыхание, правда, очень помогало. На самом деле, Люба за многое была благодарна девушке на соседнем кресле, но говорить об этом вслух казалось унижительным.

Она взглянула на дианины руки и заметила лейкопластырь на указательном пальце.

Диана поймала её взгляд и, продолжая смотреть в программку, объяснила:

– Это наша профессиональная травма – мозоль на указа-

тельном пальце от ампул. Можно, конечно, делать это по-другому, но я привыкла открывать их голыми руками, и вот что из этого выходит.

Она потёрла лейкопластырь и снова посмотрела на Любу. В течение всех этих сложных нескольких лет Диана так и не научилась смотреть на неё по-другому – с осторожным, виноватым обвинением. По-другому не получалось, хоть Коля просил простить её и понять.

Диана могла понять всё, что угодно. Только не «оставление в опасности».

Люба закусила нижнюю губу. На сцене профессор начал свой долгий рассказ о преемственности поколений и об их общей любви к физике. Слева от неё Толя о чём-то шептался с отцом, и жизнь казалась Любе несурзадной пародией на саму себя.

Телефон завибрировал, и она, судорожно нащупав его в сумке, отклонила вызов. Гриша звонил уже который раз за сутки, но она больше не хотела с ним разговаривать, ведь если и наказывать себя, то только так – самым жестоким образом. Запретить любить.

– А теперь имена победителей в каждой возрастной группе! – громко объявил ведущий, и в зале раздались фанфары.

Люба вцепилась в подлокотники кресла, дотронулась до влажной ладони сына.

– Ты волнуешься, что я не выиграю? – прошептал Толя.

– О нет, просто эти фанфары такие громкие, – театрально

поморщилась Люба, махнув рукой в сторону сцены.

Быть родителем – это знать, как важно для ребёнка быть для нас любимым несмотря ни на что.

– ИТАК! Первая возрастная категория – 10-11 лет!

Коля взглянул на сына и подмигнул. Краем глаза он видел, как напряжённо Диана смотрит на сцену, сжав руки в кулаки, как она борется со своим ощущением причастности к его семье.

Он искал это в ней в день их знакомства, когда она зашла к нему в палату со стойкой, увешанной бутылками с лекарствами. Это стало заметным, когда она принесла ему выписку и пожелала удачи, не особо скрывая, что с трудом в это верит. Это стало жизненно необходимым, когда он нашёл её страницу ВКонтакте и написал, что ему всё-таки назначили курс химиотерапии.

В какой из этих моментов он в неё влюбился до сих пор было загадкой. Но Коля точно знал, что это любовь, потому что ему очень хотелось оберегать Диану. Именно по этой же причине уже второй год он всё отчаяннее пытался её оттолкнуть. А она всё оставалась и, стыдно признаваться, он безумно этому радовался.

Если бы не болезнь, сейчас, кажется, был бы самый счастливый период его жизни. По крайней мере, он бы позволил себе быть счастливым. Это уж точно.

– АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ФИРСОВ! – вдруг объа-

вил ведущий, вскрыв конверт.

Люба ахнула, вскочила с кресла, столкнулась с улыбающейся Дианой и засмеялась в ответ.

– Победил, – выдохнула она. – Наш Толя победил!

Она обняла сына с такой силой, с такой любовью, будто бы никого и ничего в этом мире больше не существовало. Только она знала, как он заслужил эту победу. Только она!

– Прошу на сцену, молодой человек!

Коля хлопнул сына по руке, и Толя взглянул на него поверх маминых объятий. В его глазах искрился восторг, гордость, счастье всех маленьких мальчиков, которые мечтают стать великими физиками.

– Это тебе, – шепнул он, и Коля расслышал, понял его, и к горлу подступили слёзы, о существовании которых мы узнаём только с появлением детей. Слёзы, которые заставляют нас по-настоящему бороться.

– Спасибо, – прошептал он.

И вот Толя поднялся на сцену: их маленький человек в костюме и галстук-бабочке. И Люба с Колей в это мгновение не знали ничего, что может говорить о любви больше, чем то, как трепетала их душа.

Толя осторожно взял диплом, гордо пожал руку пожилому профессору и принял от ведущего микрофон, чтобы сказать речь.

– Я не думал, что выиграю, – начал он и улыбнулся залу, –

но всё равно надеялся.

Диана посмотрела в пол и незаметно вытерла слёзы.

– Задания были трудными, но я очень люблю физику. Это благодаря папе. Он сейчас болеет, поэтому ему важно, чтобы его любило как можно больше людей. Я думал, что если я выиграю эту олимпиаду, то вы тоже полюбите его, потому что это он научил меня физике. В школе нам её ещё не преподают.

Коля заметил, как люди в зале стали оборачиваться, искать его глазами. Люба тронула его за руку и прошептала:

– Ты сказал ему?

И в этом вопросе было больше отпущения, чем злости. Коля взглянул на Диану, которая сидела вполуборота и, не отрывая взгляда, смотрела на сцену. Никто не умел говорить правду так, как это делала она.

Мужчина кивнул, и Люба с силой сжала его руку, которая лежала на подлокотнике.

– Почему ты не сказал мне, что он знает? – прошипела она.

Коля пожал плечами. Дотронулся до своей лысой головы и вдруг встал, вышел на лестницу и быстрым шагом подошёл к сцене. Взгляды всех были устремлены на него.

– Мой папа, – Толя передал микрофон ведущему и спустился к отцу.

Маленький смелый мальчик, которого порой невозможно понять, но так же невозможно не любить.

Коля присел на корточки, обнял его, уткнулся головой в русую макушку, которая пахла тёплым молоком. Прижал его к себе так сильно, будто бы не собирался больше никогда отпускать. Толя обхватил его шею своими тонкими руками и прижал грамоту к мужской спине. Они дышали в такт друг другу так долго, что мимо них успели пройти ещё несколько победителей из других возрастных групп.

Они стояли возле лестницы и обнимали друг друга. И где-то в зале три женщины думали о том, что они всегда знали, что Коля будет самым лучшим отцом.

– Мне не важно, сколько людей будет меня любить, Толя, потому что мне достаточно одной твоей любви, – наконец, сказал Коля.

– Лучше перестраховаться, пап, – улыбнулся мальчик.

Они вчетвером стояли возле гардероба, когда к ним подошла Александра Савельевна. На ней была всё та же блузка и чёрная строгая юбка.

При виде завуча Толя по инерции сжался и виновато посмотрел на отца. Коля крепче обхватил его ладонь.

– Добрый вечер, – строго кивнула Александра Савельевна и оглядела всех четверых. Её серые глаза дольше остальных задержались на Николае, но она быстро отогнала сентиментальность и просто ещё раз гордо кивнула Толе. – Поздравляю. С победой.

Обычно такие слова говорят с другой интонацией и другим тоном, но Александра Савельевна давно уже не умела по-другому. С того пьедестала, куда она взобралась, пути назад не было.

– Спасибо.

– Спасибо, – в один голос ответили Люба с Дианой.

Коля молчал.

Женщина поправила рукава блузки, поджала тонкие губы и, взглянув куда-то вбок, добавила:

– Конечно это всё равно не позволяет тебе играть в телефон на уроках.

Толя обомлел. Радостный огонёк в его глазах потух, и он почувствовал, как низ живота сковал страх и вина, которую порой так навязывают нам взрослые.

– Что вы имеет в виду? – вдруг так же строго произнёс Коля, продолжая держать руку сына.

– Я имею в виду, что школа – это не место для телефонов.

– Ты играл на уроке? – Коля посмотрел на сына в терпеливом ожидании любого ответа.

– То есть ты... вы сомневаетесь, что я...

– Толя, ты играл на уроке в телефон?

Люба виновато взглянула на Александру Савельевну и потянула мужчину за рукав, но Коля лишь раздражённо дёрнул плечом.

– Подожди.

Толя рассматривал квадратики плитки под ногами. Он

знал, что ответить, но женщина, которую в школе все боялись, была так рядом и давила на него своим авторитетом, своей неприступностью.

Толя посмотрел на неё снизу вверх, заметил седые виски и гульку, собранную на макушке. Её скулы двигались так, будто бы про себя она продолжала ругаться и отчитывать, и Толя почти сдался, почти поверил, что провинился.

В кармане его куртки лежал телефон с разбитым дисплеем.

– Толь, – небесно-голубые глаза отца оказались на одном уровне с толиными. Коля положил свободную руку на плечо сына и ещё раз повторил свой вопрос, – ты играл на уроке?

И тогда мальчик еле заметно покачал головой.

Коля выпрямился, строго посмотрел на равнодушную женщину. Он слишком хорошо помнил эту рубашку и это желание быть выше всех.

– Я уверен, что мой сын пользуется телефоном по назначению. И сегодня он получил награду, о которой так долго мечтал. И я не позволю никому портить этот радостный момент.

Люба ахнула. Громкие извинения почти сорвались с её языка, но она не успела.

Александра Савельевна вдруг посмотрела куда-то ей за спину и ехидно улыбнулась.

– Кажется, за вами пришли.

Диана первая заметила его по так знакомой ей позе: по-пурные плечи, руки в карманах и бегающие глаза. Поза человека, который ещё боится, что его чувства – лишь досадное недоразумение. Она первая увидела, как Люба покраснела и попыталась отыскать за безосновательной радостью повод для гнева. И она вдруг предстала перед Дианой такой искренней, такой ранимой, такой настоящей.

– Ты не виновата, – тихо сказала Диана то ли себе, то ли ей, то ли всем, кто когда-либо любил уже кем-то любимых.

Гриша стоял в дверях школы и смотрел прямо на Любу.

– Спасибо, – вдруг промолвила она, глядя в пол.

Александра Савельевна ухмыльнулась.

– Это у вашего поколения стало нормальным плевать на все ценности ради мимолётной радости. Это у вас влюблённость стала важнее брака! Это всё вы!

Она вперилась в Диану озлобленным взглядом и с отвращением поморщилась.

– Мы просто позволяем себе быть счастливыми, – отозвалась девушка, и её голос был как всегда мягким, принудительно успокаивающим.

– Тьфу ты! – Александра Савельевна повернулась к Коле, и её глаза сузились. – Я всегда знала, что ты будешь хорошим отцом, Коля Фирсов. Но человек из тебя вышел так себе.

Она гордо развернулась и зашагала по коридору в сторону учительской, подальше от шума, подальше от жизни, кото-

рая продолжала двигаться к счастью, не спросив у неё разрешения.

Она может быть тоже хотела быть счастливой! Но не позволила себе. И другим не позволит.

Коля присел на корточки и посмотрел на сына, виновато приподняв брови.

– Достаётся тебе от неё?

Толя шмыгнул носом и покачал головой.

– Не особо. Она у нас не ведёт, но недавно она увидела, как я скачивал игру, про которую мне рассказал Савва, – затараторил он. – Там можно быть любимым, кем захочешь! Это была перемена, и я искал её в плей-маркете, когда Александра Савельевна...

– Ладно-ладно, – ободряюще хлопнул его по спине Николай. – Толя, я тебе верю.

–... она увидела это, отругала меня. Она так разозлилась!

– Толя!

Мальчик остановился, оторвал взгляд от пола и посмотрел на отца.

– Я тебе верю, слышишь? – его холодные пальцы прикоснулись к щеке сына и смахнули слезу. – Я уверен, что это было очень обидно и даже страшно.

Толя шмыгнул носом.

– Я тебе верю, хорошо?

Коля прижал мальчика к себе и глубоко вдохнул.

– Хорошо?

– Хорошо.

– Мне тоже доставалось от неё в своё время. Но мы ведь её простим?

– Простим, – согласился Толя.

– Когда-нибудь, – добавил мужчина и посмотрел вслед удаляющейся женщине в серой блузке.

В колином детстве в интернате все учителя так одевались, чтобы быть строже, чем они могли себе позволить.

– Что хоть за игра? Покажешь?

Толя потянулся к карману куртки и достал телефон, и Коля хмыкнул, пожал плечами. Он повертел в руке маленький прямоугольник с разбитым экраном и улыбнулся.

Александра Савельевна, «Гром и молния», как звали её ребята в интернате, всё-таки всегда знала, что он будет хорошим отцом. И от этого вдруг всё стало как-то проще, легче, понятнее. Всё будто бы стало, наконец, существовать по-настоящему.

Коля протянул телефон Толе и достал свой.

– Там, значит, можно быть кем захочешь?

Мальчик неуверенно кивнул.

– Давай пока поиграем на моём, а потом, когда починим твой телефон, ты скачаешь игру себе. Идёт?

Чувство вины резко сменилось восторгом. Толя спрятал телефон, радостно посмотрел на отца и, широко улыбнувшись, кивнул.

Коля знал, что мальчик не расскажет, как это больно и обидно, когда тебя держат за ухо за проступок. Но ещё Коля знал, как часто даже взрослые не говорят то, что может расстроить другого человека. Особенно самого любимого.

А нужно говорить.

Потому что слова, сказанные вовремя, могут стать причиной невероятной поддержки. Поддержки, на которую мы все имеем право.

– Надо говорить, Толь. Надо говорить тем, кто хочет тебя услышать. Я – хочу.

Диана едва заметно тронула его за мизинец, и он в ответ провёл указательным пальцем по её ладони. Так было принято, они не выставляли свои отношения напоказ, но Коля всегда давал понять, что чувства Дианы – это не недоразумение.

Они стояли на школьном крыльце. Молча смотрели друг на друга. Люба считала про себя, сколько раз она моргнула, а Гриша пытался отыскать ответы на все свои вопросы в движениях её глаз.

В свои шестнадцать лет Люба так мечтала, чтобы парень в модных джинсах встретил её после школы, и вот ей тридцать пять, и он стоит перед ней. Дорогой человек в самых обычных брюках.

Гриша вздохнул.

– Я так волновался, – от его голоса всё тело покрылось мурашками. – Я сорвался с объекта, приехал на награждение. Я не находил себе места.

– Как... – выдавила из себя Люба. – Как ты узнал?

Гриша достал телефон из кармана брюк.

– Мониторил сайт олимпиады. Ты рассказывала, что для Толи это очень важно.

– Это же было в самом начале... ну, наших отношений.

– Да, и что?

– Ты запомнил? – неуверенно переспросила Люба.

– Мониторил сайт вот, – смущённо кивнул он на телефон. – Вчера написали, что будет награждение. Я и приехал. Долго думал...

Злость улеглась. Люба смотрела на Гришу с любопытством, всё ещё сопротивляясь любви.

– ... долго думал, подойдут ли сюда те туфли с дырочками, – он обвёл себя размашистым жестом, – и так и не решил.

И Люба засмеялась. Захохотала, совершенно себя не сдерживая, от бессилия и беспомощности.

– Броги, Гриш, – всхлипнула она и резко замолчала.

В углу крыльца стоял Коля и смотрел прямо на них.

Гриша кивнул ему и как-то неловко поднял руку в жесте приветствия, и Коля помахал в ответ.

Люба перестала улыбаться.

– Что? – крикнула она.

– Ты имеешь право быть счастливой, Люб! – с улыбкой

ответил Коля.

Люба замерла и глубоко вдохнула.

И счастье вдруг прорвала плотину из чувства вины и стало самой жизнью. Ему нужно было всего несколько слов.

И ты имеешь право быть счастливым. Помни об этом.